

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ИЛИ СУДЕБНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО?

Кучин Михаил Викторович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: kutschin@mail.ru

Статья посвящена исследованию различных точек зрения по поводу судебного нормотворчества, представленных в юридической науке. На основе анализа последних изменений, внесенных в законодательство, и судебной практики обосновывается вывод о законодательной регламентации нормотворческой деятельности высших судебных органов в Российской Федерации, а также о разграничении сфер судебного нормотворчества и судебного толкования.

Ключевые слова: толкование, нормотворчество, судебная практика, теория права, источники права

JUDICIAL INTERPRETATION OR JUDICIAL RULE-MAKING?

Kuchin Mikhail

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: kutschin@mail.ru

The article studies different points of view of judicial rule-making which exist in jurisprudence. Basing on the analysis of recent changes to the legislation and on judicial practice the author comes to a reasonable conclusion about the legislative regulation of higher judiciary rule-making in the Russian Federation and also about the delimitation of spheres of judicial rule-making and judicial interpretation.

Key words: interpretation, rule-making, judicial practice, theory of law, sources of law

Под толкованием норм права в самом общем плане обычно понимается деятельность по установлению содержания правовых норм, часто обозначаемая как интерпретация. При этом данная деятельность направлена, с одной стороны, на уяснение смысла нормы самим интерпретатором, а с другой – на разъяснение этого смысла третьим лицам.

Функцию разъяснения законодательства реализуют все суды в процессе осуществления правосудия, обосновывая в мотивировочной части решений, приговоров, судебных актов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций применение тех или иных нормативных положений для разрешения дела. Судебное толкование является разновидностью официального толкования права, которому присущи такие признаки, как властный характер и обязательность. «Властный характер актов официального толкования, – пишет Н. Н. Вопленко, – сообщает им государственную обязательность, что, в частности, выражается в их обеспеченности разнообразными средствами и способами юридической защиты, в том числе и мерами государственного принуждения»¹. При этом в зависимости от сферы действия судебное толкование подразделяют на казуальное и нормативное.

¹ Вопленко Н. Н. Виды и акты официального толкования права // Ленинградский юрид. журн. 2008. № 2. С. 36.

Казуальное толкование осуществляется судом в рамках рассмотрения определенного дела в виде изложения мотивов принятого решения и направлено обычно на разъяснение лицам, участвующим в деле, смысла правовых норм, примененных судом в отношении имевших место фактических обстоятельств. В процессе казуального толкования нормы суд при необходимости осуществляет и ее конкретизацию. Так, применение норм, содержащих оценочные понятия, к спорным правоотношениям возможно лишь при условии их конкретизации судом. В отсутствие конкретизации единообразное понимание даже участниками процесса таких содержащихся в правовых нормах фраз, как «достаточные основания полагать», «в исключительных случаях» и др., представляется достаточно затруднительным.

Ситуация еще более усложняется при отсутствии законодательной нормы, непосредственно регулирующей спорное правоотношение. В таких случаях возникает вопрос: какую норму должен истолковывать суд? Гражданское законодательство (ст. 6 ГК РФ) в случае неурегулированности отношений предусматривает возможность применения аналогии закона (законодательства, регулирующего сходные отношения) либо аналогии права, основанной на общих началах и смысле гражданского законодательства и требованиях добросовестности, разумности и справедливости. Процессуальное законодательство также допускает возможность использования аналогии (ст. 1 ГПК РФ, ст. 2 КАС РФ, ст. 3 АПК РФ). Применение уголовного закона по аналогии в Российской Федерации согласно ст. 3 УК РФ не допускается.

Таким образом, при применении аналогии закона суд распространяет действие нормы на иной круг отношений, нежели предусмотрен данной нормой, т. е., по сути, формирует новое правовое положение, на основании которого выносит решение. При обращении к аналогии права пределы усмотрения суда еще шире и зависят от понимания им общих начал и смысла законодательства и основополагающих категорий естественного права, которые подвергаются разъяснению в преломлении к фактическим обстоятельствам. Обязательность такого толкования ограничена рамками конкретного дела. Иные суды при рассмотрении аналогичных дел юридически не связаны более ранним толкованием. Однако на практике нижестоящие суды обычно стараются придерживаться разъяснений, данных ранее вышестоящими судами, хотя каких-либо законодательных требований по этому поводу нет. Такие разъяснения применяются нижестоящими судами не в силу их обязательности, а в силу авторитетности мнения вышестоящего суда, обладающего правом отмены судебных актов нижестоящих судов. Но подобные разъяснения не могут обладать свойствами нормативности в связи с отсутствием общего характера вырабатываемых правовых положений. Этот момент подтверждается, в частности, тем, что в разных регионах может сформироваться различная судебная практика относительно разрешения одной и той же спорной ситуации¹.

Вместе с тем в ряде случаев казуальное толкование, предпринятое судами, выступает в качестве нормообразующего. Прежде всего это относится к разъяснениям норм права, содержащимся в судебных актах, принятых высшими судебными органами при разрешении конкретных дел.

Во-первых, отказ нижестоящего суда следовать разъяснениям, данным высшими судами, признается нарушением единства судебной практики², что недопустимо

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 февраля 2014 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 4.

² Постановление Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25-пв04 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2005. № 9.

с точки зрения законодательства, согласно которому судебные постановления, нарушающие единообразие в применении и (или) толковании судами норм права, подлежат отмене или изменению (ст. 308¹ АПК РФ, ст. 391² ГПК РФ, ст. 341 КАС РФ). При этом неприменение нижестоящими судами разъяснений, данных судами апелляционной и кассационной инстанций, не относящимися к высшим, законодательство не относит к нарушению единства судебной практики. Этот вывод подтверждается, в частности, п. 61.9 Регламента арбитражных судов, утвержденного постановлением Пленума ВАС РФ от 5 июня 1996 г. № 7¹, по которому арбитражным судам следует иметь в виду, что только со дня размещения постановления Президиума ВАС РФ в полном объеме на сайте ВАС РФ практика применения законодательства, на положениях которого основано такое постановление, для них считается определенной. Аналогичный подход используется для установления момента, с которого считается определенной практика применения законодательства по вопросам, разъяснения по которым содержатся в постановлениях Пленума и информационных письмах Президиума ВАС РФ. Указанные положения Регламента подтверждают особую роль разъяснений высших судебных органов в формировании единообразия судебной практики.

Во-вторых, Федеральным законом от 23 декабря 2010 г. № 379-ФЗ² в ст. 170 АПК РФ было внесено дополнение, согласно которому суды при вынесении решений вправе ссылаться в мотивировочной части не только на законы и иные нормативные акты, но и на постановления Президиума ВАС РФ. Сегодня положения данной статьи допускают ссылки как на постановления Президиума ВАС РФ, так и на постановления Президиума ВС РФ. Право суда ссылаться в мотивировочной части решения на постановления Президиума ВС РФ закреплено и в ст. 180 КАС РФ. Аналогичный подход предусматривается и в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, одобренной решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)³.

Таким образом, указанные изменения законодательства официально подтвердили нормативный характер правовых позиций, формируемых высшими судами в процессе рассмотрения конкретных дел. Иными словами, в данной ситуации мы фактически сталкиваемся с трансформацией казуального толкования в нормативное.

Похожую трансформацию мы наблюдаем и при формулировании правовых позиций, включаемых в обзоры судебной практики, утверждаемые президиумами высших судебных органов, обязательность которых не вызывает сомнения. Так, Верховный Суд РФ в постановлении от 18 ноября 2015 г. № 71-АД15-4⁴ указывает: «Утверждение подателя жалобы о том, что совершенное им деяние подлежало квалификации по части 3 статьи 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, являлось предметом рассмотрения судов и обоснованно отклонено со ссылкой на правовую позицию, изложенную в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 05.02.2014».

В отечественной правовой науке наряду с казуальным выделяют официальное нормативное толкование, под которым понимают «разъяснение смысла правовых

¹ Вестн. ВАС РФ. 2003. № 3.

² СЗ РФ. 2010. № 52 (Ч. I). Ст. 6994.

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

норм, осуществляемое властным субъектом, распространяемое на широкий круг общественных отношений и характеризующееся неоднократностью применения»¹. Согласно определению, данному С. С. Алексеевым, «нормативное официальное толкование – официальное разъяснение, которое, как и норма права, обладает общим действием, т. е. распространяется на неопределенный круг лиц и на неограниченное количество случаев („неисчерпаемость“ разъяснения). Такое разъяснение неотделимо от самой нормы, не может применяться независимо от нее и разделяет ее судьбу, т. е. в случае отмены нормы прекращает действие и ее разъяснение (хотя специальным актом действие разъяснения может быть распространено на новые нормативные положения)»².

К нормативному официальному толкованию принято относить и нормативные разъяснения высших судебных органов, обладающие обязательной силой как для нижестоящих судов, так и для любых иных участников отношений, подпадающих под их действие. При этом весьма распространено мнение, в соответствии с которым нормативные разъяснения, даваемые Верховным Судом РФ, лишь уточняют и конкретизируют нормы толкуемого правового акта, но не содержат новых норм. «Нормативное толкование, – пишет А. С. Пиголкин, – это такая конкретизация, которая связана с разъяснением уже имеющейся нормы и состоит в объяснении и уточнении ее смысла, детализации ее содержания строго в рамках самого предписания»³. Результатом такой деятельности являются не нормы, а правоположения. Эта категория была предложена советскими учеными и широко применяется до настоящего времени в теории права, но так и не получила закрепления на законодательном уровне. С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров определяли правоположение как «понятие, охватывающее такие юридические образования, как руководящие разъяснения и прецеденты толкования, понятие, приближающееся к правовым нормам, но не совпадающее полностью с ними»⁴.

Принимая во внимание данные особенности правоположений, вырабатываемых высшими судебными инстанциями, А. Ф. Черданцев предложил иное их наименование: «интерпретационные нормы», или «нормы о нормах». По мнению ученого, «это нормы-разъяснения. Они не должны содержать в себе ничего нового, что не входило бы в содержание самих интерпретируемых норм. С их помощью не должны вноситься изменения в закон или отменяться законы. Интерпретационные нормы – это положения *intra legem* (внутри закона), но не *extra legem* (вне закона)»⁵. Вместе с тем автор указывал на практическую сложность разграничения процессов интерпретации и правотворчества. Так, он обращал внимание, что при выведении одних норм из других важно, чтобы выводимая норма была более конкретной, целиком поглощалась более общей нормой, из которой она выводится, и логически следовала из этой нормы, в противном случае интерпретация превращается в правотворчество⁶.

¹ Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 38.

² Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 140.

³ Пиголкин А. С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование. М., 1998. С. 70.

⁴ Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975. С. 65.

⁵ Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 157.

⁶ Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 42–43, 46.

Основное отличие правоположений (интерпретационных норм) от норм права обычно связывают со следующими аспектами:

праваположения вырабатываются в процессе правоприменительной, а не законотворческой деятельности; они являются результатом толкования нормы и не должны привносить ничего нового в толкуемую норму;

праваположения привязаны к определенным нормам, находятся в своеобразной подчиненности и, следовательно, обладают поднормативным характером.

Однако указанные признаки при ближайшем рассмотрении оказываются весьма условными и не позволяют на практике установить четкое разграничение между этими двумя категориями.

Во-первых, сфера подзаконного нормотворчества исполнительных органов государственной власти также находится за пределами законотворческой деятельности. Не принципиальны различия и в механизме разработки постановления пленума высшего судебного органа и подзаконного нормативного правового акта.

Во-вторых, праваположения, вырабатываемые в процессе правоприменительной деятельности, очевидно, должны обладать меньшей юридической силой по сравнению с нормой права, однако на практике недопустимо действие подзаконного правового акта, противоречащего разъяснениям высшего судебного органа. Более того, праваположения судебной практики могут оказывать кардинальное влияние на действительность норм права, закрепленных в подзаконных нормативных актах. Так, Пленум ВАС РФ в п. 14 постановления от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки»¹ определил, что порядок приемки товаров по количеству и качеству, установленный Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, утвержденной постановлением Госарбитража СССР от 15 июня 1965 г. № П-6, и Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденной постановлением Госарбитража СССР от 25 апреля 1966 г. № П-7, может применяться покупателем (получателем) только в случаях, когда это предусмотрено договором поставки. В данном случае Пленум ВАС РФ своим постановлением фактически прекратил действие инструкций, относившихся не к правоприменительным, а к нормативным актам.

Следует также отметить, что значимость праваположения, закрепленного в постановлении пленума высшего судебного органа, для целей регулирования ничуть не меньше, чем правила, содержащегося в подзаконном правовом акте. Сегодня это подтверждается и законодательством, установившим право суда руководствоваться при вынесении решений праваположениями, вырабатываемыми высшими судебными органами. Данные изменения свели на нет один из главных доводов противников судебного нормотворчества, заявлявших, что «праваположения, не будучи юридическими нормами, не могут составлять основу правоприменительных решений»².

В-третьих, достаточно распространена в теории права точка зрения, согласно которой нормы права могут содержаться только в нормативных правовых актах, являющихся результатом нормотворческой деятельности, осуществляемой в установленном законом порядке, т. е. изданных в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции. Однако развитие судебной практики в последние

¹ Вестн. ВАС РФ. 1998. № 3.

² Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. М., 1997. С. 375.

годы внесло существенные коррективы в данную концепцию. Так, 30 июля 2013 г. Пленум ВАС РФ принял постановление № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов»¹, где указал, что если оспариваемый акт содержит положения нормативного характера, то нарушения требований к форме нормативного правового акта, порядку его принятия и (или) введения в действие не выступают основанием для прекращения производства по делу, поскольку такой акт может применяться заинтересованными лицами, в результате чего могут быть нарушены права или законные интересы заявителя, а также иных лиц (п. 6.2). Из этого следует, что отнесение правового акта, изданного органом государственной власти, к категории нормативных, зависит не от внешней формы акта, а от его содержания, что нашло подтверждение и в последующей практике.

Официальное признание возможности установления нормативных положений в актах, отличных по форме от относимых законодательством к категории нормативных актов, подтверждено в постановлении Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П². Данным постановлением письма Федеральной налоговой службы признаны обладающими нормативными свойствами, а содержащиеся в них разъяснения – способными устанавливать (изменять, отменять) правила, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение и тем самым оказывающие общерегулирующее воздействие на налоговые отношения (п. 4.3). Во исполнение указанного постановления КС РФ был принят Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 18-ФЗ³, которым введены новые статьи в АПК РФ (ст. 195¹) и КАС РФ (ст. 217¹), устанавливающие правила рассмотрения дел об оспаривании актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Принятый закон официально подтвердил существование категории актов, положения которых обладают нормативными свойствами, но по своей форме отличающихся от нормативных актов в их традиционном понимании.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что положения, принятые органами государственной власти, устанавливающие (а также изменяющие или отменяющие) правила общеобязательного характера и рассчитанные на многократное применение, обладают всеми свойствами нормы права вне зависимости от формы акта, в котором это положение закреплено. Другими словами, основную роль в вопросе отнесения того или иного правила поведения к категории нормы права имеет содержание правила и юридические последствия его принятия, а не внешняя форма выражения. В этом контексте необходимо рассматривать и нормативные положения, создаваемые судебными органами.

В-четвертых, одним из важнейших аспектов проблемы, связанной с разграничением правоположений и норм права, является отсутствие в юридической науке единой позиции по вопросу пределов официального нормативного толкования. Акты официального нормативного характера, как и толкуемые ими нормы, обладают, по распространенному в теории права мнению, обязательной силой, обеспечиваемой государством, что, несомненно, сближает их с нормативными правовыми актами. Вместе с тем согласно данной точке зрения нормативные разъяснения не содержат и не должны содержать самостоятельных правовых норм. Они лишь уточняют, объ-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

³ Там же. 2016. № 7. Ст. 906.

ясняют и конкретизируют положения толкуемого акта: кого касается действие нормативных предписаний, каковы права и обязанности субъектов права, что конкретно предписывает правовая норма, при каких условиях она должна осуществляться¹. «Главное отличие толкования от правотворчества, – отмечает О. В. Попов в диссертационном исследовании, – состоит в характере новшеств, вносимых в результате той или иной деятельности в систему права. Если официальное толкование несет новую информацию о правовой норме, расширяет пределы нашего знания о ней, то правотворчество имеет своим итогом новые регулятивные элементы, которых до этого в системе права не было. В ходе правотворчества происходит правопреобразование, заключающееся в изменении содержательной стороны права. Толкование не преобразует право, не меняет его содержание, а лишь раскрывает смысл существующих правовых норм, обеспечивая их реализацию в соответствии с тем, что имел в виду законодатель при их создании»².

Вместе с тем приведенные суждения, которые, казалось бы, позволяют установить водораздел между нормами права и правоположениями, оказываются таковыми лишь на первый взгляд. В действительности, если фактор новизны взять за основу такого деления, как тогда быть с так называемыми дублирующими нормами? В этом случае мы должны были бы заявить, что положения, закрепленные в п. 1 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»³, не являются нормой права, так как, дублируя ст. 126 Конституции РФ, не вносят ничего нового. Особенно широко распространено дублирование норм федерального законодательства в законах субъектов Российской Федерации. В таких случаях одно и то же положение является нормой как федерального, так и регионального закона. В связи с этим критерий новизны, который предлагается считать одним из основных признаков нормы права, теряет смысл, поскольку нормы права в действительности могут и не содержать этого «обязательного» признака нормативности.

При этом постановления пленумов высших судебных органов достаточно часто содержат новые регулятивные элементы. Так, в соответствии с п. 5 ст. 178 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»⁴ таможенный орган, проводивший таможенную проверку и выявивший неуплату или неполную уплату таможенных пошлин или налогов, составляет акт проверки и выносит решение в сфере таможенного дела, копии которых направляются в таможенный орган, в регионе деятельности которого был произведен выпуск товара, для выставления требования об уплате таможенных платежей. Однако п. 8 постановления Пленума ВАС РФ от 8 ноября 2013 г. № 79⁵ предусматривается возможность выставления требования плательщику не только тем таможенным органом, который выпустил товар, но и вышестоящим таможенным органом, проводившим ведомственный контроль. Можем ли мы здесь говорить об отсутствии нового регулятивного элемента? Буквальное толкование текста закона не позволяет прийти к выводам, указанным в постановлении Пленума, которое, по сути, дополнило законодательные положения.

¹ Пиголкин А. С. Указ. соч. С. 69.

² Попов О. В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. С. 20.

³ СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

⁴ Там же. 2010. № 48. Ст. 6252.

⁵ Вестн. ВАС РФ. 2014. № 3.

Перечисленные доводы показывают, насколько сложным и в то же время актуальным является вопрос разграничения толкования и нормотворчества в деятельности судебных органов. Так где же граница, за которой толкование перерастает в нормотворчество? Какие из правоположений, выработанных судом, обладают нормативностью, а каким данное качество не присуще?

Прежде всего следует сказать, что правоположения неоднородны. «По своей ближайшей цели, – указывает В. В. Лазарев, – они делятся на:

1) праворазъяснительные положения, которые или содержат развернутую интерпретацию нормы на основе использования всей совокупности приемов толкования, или более полно „высвечивают“ один из аспектов государственной воли, выраженной в норме;

2) правоконкретизирующие положения, чья цель, не выходя за рамки закона, развить, детализировать, углубить содержание правовых предписаний;

3) правоположения по преодолению пробелов в праве»¹.

Данная классификация, предложенная 40 лет назад, не потеряла актуальности и сегодня².

Праворазъяснительные положения – самые многочисленные. Они разъясняют содержание нормы в более понятных, развернутых формулировках, увязывая ее действие с особенностями конкретного дела. При этом такое разъяснение не вносит элемента новизны в регулирование правоотношения. Например, в п. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»³ закреплено, что «допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, за исключением транспортных средств, участвующих в международном движении или ввозимых на территорию Российской Федерации на срок не более шести месяцев, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов». Верховный Суд РФ в апелляционном определении от 17 мая 2016 г. № АПЛ16-143⁴ так истолковал приведенное положение: «Транспортное средство иностранного государства, как это следует из положений Федерального закона № 196-ФЗ и Конвенции, может быть допущено к участию в дорожном движении на территории Российской Федерации на срок не более шести месяцев, а по истечении этого срока данное транспортное средство должно либо покинуть территорию Российской Федерации, либо должно быть зарегистрировано в подразделениях Госавтоинспекции с заменой регистрационных документов, выданных иностранным государством». В данном случае мы можем видеть, что положение, разъясняющее норму закона, не привносит какого-либо дополнительного регулятивного элемента, а лишь раскрывает ее смысл другими словами.

Несколько иное значение имеют правоположения, вырабатываемые судом в процессе конкретизации нормы либо в целях преодоления пробела.

При этом необходимо сказать, что в российской юридической науке до настоящего момента не сложилось единых подходов относительно юридической природы конкретизации. «Общая, цельная „картина“ данного феномена, – отмечает В. Н. Кар-

¹ Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 4.

² Лазарев В. В. Нормативная природа судебного прецедента // Журн. рос. права. 2012. № 4. С. 92–99.

³ СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

ташов, – представляется весьма расплывчатой»¹. Тем не менее из всего многообразия взглядов можно выделить две наиболее распространенные точки зрения, которые рассматривают конкретизацию во взаимосвязи с различными стадиями правового регулирования.

Так, исключительно с правотворчеством связывают конкретизацию А. В. Аверин, В. В. Ершов, Г. Т. Чернобель. Однако многие ученые (С. С. Алексеев, В. М. Баранов, Н. А. Власенко, Н. Н. Вопленко, В. В. Лазарев, А. С. Пиголкин, В. П. Реутов, А. Ф. Черданцев, Г. Г. Шмелева и др.) наряду с правотворческой выделяют и правоприменительную конкретизацию.

Под правотворческой конкретизацией понимается один из способов нормотворчества, когда на основе общих абстрактных юридических норм «создаются относительно новые, более конкретные и определенные правила поведения – конкретизирующие нормы права»², характерной особенностью которых является то, что они должны «регулировать лишь те общественные отношения, которые входят в сферу отношений, охватываемых исходной нормой. Рассматриваемая конкретизация... не может опосредовать развитие права вширь (регулировать новые общественные отношения). Объем конкретизирующей нормы права всегда охватывается объемом нормы конкретизируемой»³. При этом к субъектам правотворческой конкретизации обычно относят нормотворческие органы, законодательно наделенные соответствующей компетенцией.

Что касается судебных органов, в отечественной доктрине распространена точка зрения, согласно которой они могут осуществлять лишь правоприменительную конкретизацию. «В процессе правоприменительной конкретизации судебными органами, – пишут Н. А. Власенко и М. В. Залоило, – содержание и действие юридической нормы индивидуализируются применительно к отдельному обстоятельству, факту или их совокупности, вырабатываются конкретные формы реализации дозволенного нормой общего типа поведения»⁴. Иными словами, сторонники признания правоприменительной конкретизации опираются на то, что «индивидуальное предписание, содержащееся в правоприменительном акте, является частным (единичным) случаем предписания, установленного в нормативно-правовом акте»⁵, т. е. суд, исходя из особенностей фактической ситуации, может конкретизировать норму права с целью ее применения к рассматриваемому делу. По сути, в данной ситуации мы сталкиваемся с конкретизацией в форме обычного казуального толкования, так как именно при осуществлении казуального толкования правовой нормы должны учитываться фактические обстоятельства дела.

Иное значение имеют правоконкретизирующие положения, созданные высшими судебными органами при осуществлении нормативного толкования. Нормативный, общеобязательный характер таких положений, получивших в теории права наименование интерпретационных норм, а в настоящее время именуемых также правовыми позициями, всегда признавался отечественной доктриной. Однако эти правоположе-

¹ Карташов В. Н. Технология юридической конкретизации (методологический аспект проблемы) // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород, 2008. С. 69.

² Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988. С. 32.

³ Там же. С. 48.

⁴ Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журн. рос. права. 2016. № 8. С. 52.

⁵ Шмелева Г. Г. Указ. соч. С. 66.

ния обычно не считали правовыми нормами, а судебные акты, их содержащие, – источниками права. Некоторые ученые поддержали идею выделения в качестве самостоятельного вида наряду с нормативными и индивидуальными актами интерпретационных актов как результата нормативного толкования¹. «Очевидно, – пишет А. С. Пиголкин, – что интерпретационный акт имеет определенное нормативное содержание – он носит общеобязательный характер, распространяется на тот или иной комплекс, серию случаев, действует на заранее неперсонифицированный круг субъектов права. В этом он во многом схож с нормативным актом. Но главная функция нормативного акта – это устанавливать новые нормы права либо изменять или отменять действующие. Этого свойства у интерпретационного акта нет. Он лишь объясняет и уточняет объем действия и содержание действующих норм»². В юридической литературе в качестве специфических признаков интерпретационных актов выделяют следующие: они не создают новых норм права; не имеют самостоятельного значения и действуют в единстве с толкуемыми нормативными правовыми актами; разделяют юридическую судьбу толкуемых актов³.

Представляется, что перечисленные признаки не бесспорны.

Во-первых, существуют нормы права, не обладающие элементом новизны (дублирующие нормы).

Во-вторых, многие нормы подзаконных актов, как и общеобязательные положения, содержащиеся в актах высших судебных органов, создаются в целях детализации другой нормы права и не могут выходить за пределы детализируемой нормы и противоречить ей. В соответствии со ст. 115 Конституции РФ Правительство РФ может издавать постановления и распоряжения только на основании и во исполнение Конституции, федеральных законов, нормативных указов Президента, из чего следует, что указанные постановления и распоряжения не должны выходить за рамки актов, на основании которых они приняты. Тем не менее сегодня в юридической науке акты, принимаемые органами исполнительной власти, относятся к категории общепризнанных источников права.

В-третьих, детализирующее норму положение тоже обладает новизной. Ограничения, присущие процессу создания интерпретационных норм, сводятся к тому, что такие нормы не должны быть новыми по отношению к конкретизируемой норме в том смысле, что не должны противоречить ее содержанию либо изменять ее. При этом зачастую значение конкретизирующих положений заключается в том, что без них невозможно урегулировать определенные отношения, правильно применить закон. Ярким примером являются постановления высших судебных органов, раскрывающие содержание оценочных понятий. Более того, в некоторых случаях даже общепринятым понятиям суд придает иное содержание, отличное от общепризнанного. Например, Пленум Верховного Суда РФ и Пленум ВАС РФ в совместном постановлении от 8 октября 1998 г. № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами»⁴ установили, что при расчете подлежащих уплате годовых процентов число дней в году (месяце) принимается равным соответственно 360 и 30 дням (п. 2).

¹ Черданцев А. Ф. Толкование советского права. С. 157; Пиголкин А. С. Указ. соч. С. 70–71.

² Пиголкин А. С. Указ. соч. С. 71.

³ Шайхутдинов Е. М., Шафиров В. М. Интерпретационные акты (теоретико-прикладное исследование). Красноярск, 2007. С. 16.

⁴ Вестн. ВАС РФ. 1998. № 11.

В-четвертых, нормы подзаконных актов, принятые на основании конкретного законодательного положения, также следуют судьбе этого положения. Отмена закона влечет за собой и отмену принятого на основании его подзаконного акта. И напротив, на практике нередко наблюдается иная картина в отношении постановлений пленумов высших судебных органов, раскрывающих содержание законодательных норм. Так, 27 января 1999 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 1 «О судебной практике по делам об убийстве»¹, которым дал судам разъяснения по применению ст. 105 УК РФ. Пункт 22 данного постановления гласит: «В связи с принятием настоящего Постановления признать утратившим силу Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.1992 г. № 15 „О судебной практике по делам об умышленных убийствах“ и считать недействующими на территории Российской Федерации Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 г. № 4 „О судебной практике по делам об умышленном убийстве“ и от 22.09.1989 г. № 10 „О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении уголовных дел об умышленных убийствах“». Из данного положения видно, что названные постановления утратили силу и прекратили действие только с 27 января 1999 г., несмотря на то что разъясняли положения УК РСФСР 1960 г., утратившего силу с 1 января 1997 г. На необходимость использования разъяснений Верховного Суда СССР и Верховного Суда РФ, принятых до вступления в силу УК РФ 1996 г., обращают внимание в своих заявлениях Председатель Верховного Суда РФ и Генеральный прокурор РФ².

Наряду с детализацией суды при разрешении дел сталкиваются с проблемой пробелов в праве. При этом восполнение пробела судом, рассматривающим дело, обычно не влечет за собой создание нормативного положения, так как суд конструирует правило для конкретной ситуации, действие этого правила исчерпывается вместе с разрешением дела. Однако когда такому правилу придается характер общеобязательного путем включения в постановление Пленума или в постановление Президиума Верховного Суда, а также в обзор судебной практики, утверждаемый Президиумом Верховного Суда, то мы имеем дело с формированием новой нормы, поскольку созданное правило, с одной стороны, регулирует отношение, не урегулированное иными нормами права, а с другой – оно будет в обязательном порядке применяться всякий раз при возникновении аналогичной ситуации.

«Суд, – отмечали еще в 70-е гг. прошлого века С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров, – применяя аналогию, создает норму как основу решения дела для данного конкретного случая, сходную с другой нормой, при применении аналогии закона или норму, опирающуюся на общие принципы, при применении аналогии права. Если применяемое судом положение становится правилом, которым руководствуются другие суды при разрешении таких споров, и если это правило воспроизводится в постановлениях пленумов верховных судов или первоначально формулируется ими и данным правилом руководствуются суды в своей деятельности, то нет никаких оснований отрицать тем самым в этой специальной области правотворческое значение судебной практики»³. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 1992 г. № 14 «О судебной защите прав военнослужащих от неправомерных

¹ Бюл. Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1999. С. 798.

³ Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 48–49.

действий органов военного управления и воинских должностных лиц» разъясняется, что военнослужащие имеют право обжаловать указанные действия в военные суды, которые рассматривают дела по данным жалобам по правилам, установленным действовавшим тогда Законом СССР от 2 ноября 1989 г. «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан». «Основываясь на рассматриваемом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ как на источнике права, – пишет Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, – военные суды рассмотрели много дел, связанных с нарушением прав военнослужащих (незаконным увольнением со службы, понижением в должности или звании, невыплатами денежного содержания и др.)»¹. Это постановление, по мнению В. М. Жуйкова, «явилось источником права и положило начало функционированию в Вооруженных Силах РФ судебной власти: оно впервые поставило под судебный контроль действия и решения органов военного управления и воинских должностных лиц; конкретизировало положения Конституции РФ о праве на судебную защиту применительно к отношениям, возникающим из воинской службы; наделило военные суды компетенцией рассматривать гражданские дела по жалобам военнослужащих на действия органов военного управления и воинских должностных лиц, нарушающих их права; определило порядок рассмотрения таких дел... Совершенно очевидно, что если бы Пленум Верховного Суда РФ не принял названное постановление либо военные суды посчитали бы его необязательным, то военнослужащие в нарушение Конституции РФ оказались бы лишенными права на судебную защиту»².

Заполнение правового вакуума высшими судебными органами по сути является не чем иным, как формой правотворчества. Отказ суда в такой ситуации от данной функции неминуемо повлечет за собой нарушение прав человека. Например, Президиум Верховного Суда РСФСР, основываясь на положениях Декларации прав и свобод человека, принятой Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г., постановлением от 1 ноября 1991 г. признал право каждого на обжалование избранной в отношении его меры пресечения, несмотря на то что порядок реализации этого положения Декларации в УПК РСФСР урегулирован не был. Обозначенное решение фактически наложило на судебные органы обязанность самостоятельно создавать процессуальные нормы, регулирующие порядок судебной проверки законности и обоснованности содержания под стражей. На момент внесения соответствующих изменений в УПК РСФСР 23 мая 1992 г. в судах уже имелась значительная практика рассмотрения таких жалоб³.

В постановлении от 9 ноября 1994 г. Президиум Верховного Суда РФ пришел к выводу о том, что право на судебную защиту без каких-либо ограничений принадлежит в равной степени не только каждому человеку и гражданину, о чем прямо сказано в ст. 46 Конституции РФ, но и любой организации (объединению граждан). Данный вопрос в Конституции РФ или в ином законодательстве не решен, поэтому постановление Президиума Верховного Суда РФ восполнило существенный пробел в ре-

¹ Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 203.

² Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 85–86.

³ Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 55–57.

гулировании права на судебную защиту и вполне может рассматриваться в качестве источника права¹.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что интерпретационным нормам или правовым позициям, принимаемым высшими судебными органами, присущи те же самые признаки, что и любым иным нормам права. Основная причина непризнания судебного нормотворчества заключается, на наш взгляд, в опасении, что вторжение суда в область нормотворчества неизбежно приведет к нарушению баланса между различными ветвями власти. Такое опасение очень четко выразил А. С. Пиголкин в одной из своих работ: «Признать нормативное толкование правотворчеством – это значит причислить к рангу правотворческих органов такие, которые по закону не имеют полномочий творить право (например, Верховный Суд, Высший Арбитражный Суд и т. п.)»². Однако в последующем мы можем наблюдать кардинальное изменение позиции ученого по этому вопросу. Уже в 2004 г. он пишет: «...в судебной практике немало примеров, свидетельствующих о том, что акты разъяснения не обязательно связаны с толкуемым актом и по своей юридической силе могут быть приравнены к источникам права – подзаконным актам. Так, с 1 июля 2002 г. вступил в действие новый Трудовой кодекс (ТК) Российской Федерации; при этом до сих пор в судебной практике применяются постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по ряду вопросов, подпадающих под сферу действия КЗоТ РСФСР и не противоречащих Трудовому кодексу. По нашему мнению, это указывает на то, что разъяснения пленумов высших судов обладают самостоятельным юридическим значением и приравниваются к нормативному источнику – подзаконному акту... Таким образом, исходя из усиливающейся роли практики высших судов страны, следует пересмотреть традиционный подход к ней и допустить при определенных условиях судебный прецедент в качестве источника права»³.

Последние изменения, происшедшие в процессуальном законодательстве, о которых говорилось выше, фактически устраняют какие-либо юридические препятствия для признания судебного нормотворчества. Для его окончательного признания осталось сделать последний шаг: необходимо четко обозначить позицию по этому вопросу высшим органам государства, пересмотреть сформированные еще в советское время концептуальные подходы к нормативному толкованию с учетом того, что оно по сути является не столько разъяснением норм, сколько их развитием путем введения новых регулятивных элементов, и ввести в отечественную доктрину признанное как во многих национальных правовых системах, так и в международном праве понятие «вторичного права», включающего, в частности, нормы, созданные судом.

Что же касается разграничения судебного толкования и судебного нормотворчества, то это зависит прежде всего от уровня судебной инстанции, выработавшей конкретное правовоположение. Правом на судебное нормотворчество могут обладать лишь высшие судебные органы в лице Пленума или Президиума. Правоположения, формулируемые нижестоящими судами, не должны рассматриваться как нормативные в силу того, что они обязательны лишь в отношении участников судебного процесса и могут быть изменены вышестоящей инстанцией.

¹ Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. С. 169.

² Пиголкин А. С. Указ. соч. С. 70.

³ Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004. С. 56–57.

Библиография

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2016 г. № АПЛ16-143 // СПС «КонсультантПлюс».

Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975.

Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журн. рос. права. 2016. № 8.

Вопленко Н. Н. Виды и акты официального толкования права // Ленинградский юрид. журн. 2008. № 2.

Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004.

Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000.

Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997.

Карташов В. Н. Технология юридической конкретизации (методологический аспект проблемы) // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород, 2008.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1999.

Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ: одобр. решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1) // СПС «КонсультантПлюс».

Лазарев В. В. Нормативная природа судебного прецедента // Журн. рос. права. 2012. № 4.

Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6.

Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001.

О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов: Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 18-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 7. Ст. 906.

О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 58 // СПС «КонсультантПлюс».

О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки: постановление Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 // Вестн. ВАС РФ. 1998. № 3.

О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 // Вестн. ВАС РФ. 1998. № 11.

О судебной практике по делам об убийстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Бюл. Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

О таможенном регулировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 февраля 2014 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2014. № 4.

Пиголкин А. С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование. М., 1998.

Попов О. В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004.

Постановление Верховного Суда РФ от 18 ноября 2015 г. № 71-АД15-4 // СПС «Консультант-Плюс».

Постановление Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25-пв04 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2005. № 9.

Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

Постановление Пленума ВАС РФ от 8 ноября 2013 г. № 79 // Вестн. ВАС РФ. 2014. № 3.

Регламент арбитражных судов: утв. постановлением Пленума ВАС РФ от 5 июня 1996 г. № 7 // Вестн. ВАС РФ. 2003. № 3.

Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997.

Федеральный закон от 23 декабря 2010 г. № 379-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 52 (Ч. I). Ст. 6994.

Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972.

Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979.

Шайхутдинов Е. М., Шафиров В. М. Интерпретационные акты (теоретико-прикладное исследование). Красноярск, 2007.

Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988.

Bibliography

Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999.

Apellyacionnoe opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 17 maya 2016 g. № APL16-143 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Bratus' S. N., Vengerov A. B. Ponyatie, sodержание i formy sudebnoj praktiki // Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoj sisteme. M., 1975.

Cherdancev A. F. Tolkovanie sovetskogo prava. M., 1979.

Cherdancev A. F. Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava. Sverdlovsk, 1972.

Federal'nyj zakon ot 23 dekabrya 2010 g. № 379-FZ // SZ RF. 2010. № 52 (Ch. I). St. 6994.

Globalizaciya i razvitie zakonodatel'stva: Oчерki / otv. red. Yu. A. Tixomirov, A. S. Pigolkin. M., 2004.

Kartashov V. N. Tekhnologiya yuridicheskoy konkretizacii (metodologicheskij aspekt problemy) // Konkretizaciya zakonodatel'stva kak tekhniko-yuridicheskij priem normotvorcheskoj, interpretacionnoj, pravoprimenitel'noj praktiki. N. Novgorod, 2008.

Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. Yu. I. Skuratova, V. M. Lebedeva. M., 1999.

Koncepciya edinogo Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa RF: odobr. resheniem Komiteta po grazhdanskomu, ugolovnomu, arbitrazhnomu i processual'nomu zakonodatel'stvu GD FS RF ot 8 dekabrya 2014 g. № 124(1) // SPS «Konsul'tantPlyus».

Lazarev V. V. Normativnaya priroda sudebnogo precedenta // Zhurn. ros. prava. 2012. № 4.

Lazarev V. V. Pravopolozeniya: ponyatie, proisxozhdenie i rol' v mexanizme yuridicheskogo vozdejstviya // Pravovedenie. 1976. № 6.

Lebedev V. M. Sudebnaya vlast' v sovremennoj Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya. SPb., 2001.

O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: Federal'nyj zakon ot 10 dekabrya 1995 g. № 196-FZ // SZ RF. 1995. № 50. St. 4873.

O nekotoryx voprosax, svyazannyx s primeneniem polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o dogovore postavki: postanovlenie Plenuma VAS RF ot 22 oktyabrya 1997 g. № 18 // Vestn. VAS RF. 1998. № 3.

O nekotoryx voprosax, vznikayushhix v sudebnoj praktike pri rassmotrenii arbitrazhnymi sudami del ob osparivanii normativnyx pravovyx aktov: postanovlenie Plenuma VAS RF ot 30 iyulya 2013 g. № 58 // SPS «Konsul'tantPlyus».

O praktike primeneniya polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o procentax za pol'zovanie chuzhimi denezhnymi sredstvami: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF i Plenuma VAS RF ot 8 oktyabrya 1998 g. № 13/14 // Vestn. VAS RF. 1998. № 11.

О судебной практике по делам об убийстве: постановление Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 g. № 1 // Byul. Verxovnogo Suda RF. 1999. № 3.

О таможенном регулировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 ноябрия 2010 г. № 311-FZ // SZ RF. 2010. № 48. Ст. 6252.

О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-FKZ // SZ RF. 2014. № 6. Ст. 550.

О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов: Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 18-FZ // SZ RF. 2016. № 7. Ст. 906.

Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: отв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 февраля 2014 г. // Byul. Verxovnogo Suda RF. 2014. № 4.

Pigolkin A. S. Tolkovanie norm prava i pravotvorchestvo: problemy sootnosheniya // Zakon: sozдание i tolkovanie. M., 1998.

Popov O. V. Teoretiko-pravovye voprosy sudbnogo pravotvorchestva v RF: dis. ... kand. yurid. nauk. Tol'yatti, 2004.

Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П // SZ RF. 2015. № 15. Ст. 2301.

Постановление Plenuma VAS RF ot 8 noyabrya 2013 g. № 79 // Vestn. VAS RF. 2014. № 3.

Постановление Верховного Суда РФ от 18 ноябрия 2015 г. № 71-AD15-4 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Постановление Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25-пв04 // Byul. Verxovnogo Suda RF. 2005. № 9.

Регламент арбитражных судов: отв. постановлением Plenuma VAS RF ot 5 iyunya 1996 g. № 7 // Vestn. VAS RF. 2003. № 3.

Shajxutdinov E. M., Shafirov V. M. Interpretacionnye akty (teoretiko-prikladnoe issledovanie). Krasnoyarsk, 2007.

Shmeleva G. G. Konkretizaciya yuridicheskix norm v pravovom regulirovanii. L'vov, 1988.

Теория государства и права / под ред. В. М. Корел'sкого, В. Д. Порева. М., 1997.

Vlasenko N. A., Zaloilo M. V. Konkretizaciya i tolkovanie prava kak tvorcheskoe sodержание sudbnой практики // Zhurn. ros. prava. 2016. № 8.

Voplenko N. N. Vidy i akty oficial'nogo tolkovaniya prava // Leningradskij yurid. zhurn. 2008. № 2.

Zhujkov V. M. K voprosu o sudbnой практике kak istochnike prava // Sudbnaya praktika kak istochnik prava. M., 2000.

Zhujkov V. M. Sudbnaya zashhita prav grazhdan i yuridicheskix lic. M., 1997.